

ВИКТОР УСОВ

В ГАРЕМЕ СЫНА НЕБА

ЖЕНЫ
И НАЛОЖНИЦЫ
ПОДНЕБЕСНОЙ

ГАРЕМ

Гарем (Алгоритм)

Виктор Усов

**В гареме Сына Неба. Жены
и наложницы Поднебесной**

«Алисторус»

2014

Усов В. Н.

В гареме Сына Неба. Жены и наложницы Поднебесной /
В. Н. Усов — «Алисторус», 2014 — (Гарем (Алгоритм))

Во все века китайцы верили, что женщина передает мужчине жизненную силу «ци» – это фундаментальное понятие китайской картины мира. Поэтому не случайно император Сюаньцзун, подпавший в 60 лет под чары очаровательной юной наложницы своего сына Ян Гуйфэй, держал в своих дворцах около 40 тысяч женщин. И даже такой ортодоксальный коммунист, как председатель ЦК КПК Мао Цзэдун, свято верил в эту даосскую догму и имел гарем – при полном понимании народных масс. Автор, известный ученый-китаист Виктор Николаевич Усов в этом оригинальном исследовании ведет рассказ о жизни жен и наложниц Поднебесной со времен древности и до начала XX века, когда правил последний император Пу И. В книге содержится масса интересных сведений об устройстве императорского гарема.

© Усов В. Н., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Тайны китайских гаремов	5
Сколько женщин положено иметь мужчине?	7
«Личные танцовщицы» нюйюэ	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Виктор Николаевич Усов

В гареме Сына Неба. Жены и наложницы Поднебесной

Тайны китайских гаремов

Все китайские женщины, будь они императрицами или служанками, по сути являлись наложницами. С древних времен одним из главных признаков власти и могущества Сына Неба в Поднебесной был большой гарем. Он предназначался для демонстрации и реализации мужской потенции, обладание которой являлось обязательным качеством правителя с точки зрения культа «священного царя».

«Интимная жизнь императора тоже подчинялась строжайшим указаниям, проистекающим из натурфилософских эротологических теорий и сводящихся к поддержанию в организме партнера равновесия *ян*ной (мужской. – В. У.) и *инь*ной (женской. – В. У.) энергий, – пишет М. Кравцова. – Считалось, что преобладание *инь* над *ян* приводит к истощению мужской половой потенции, преждевременному старению, болезням и летальному исходу. На уровне социокосмического универсума это вызывало различные природные коллизии, связанные с водой: проливные дожди, наводнения, преждевременные заморозки, а также военные конфликты».

Статус каждой обительницы гарема определялся степенью активности ее энергии *инь*. Наивысшей степенью активности *инь*ной энергии наделялась императрица. Однако эта ее энергия не была беспредельна. Поэтому Сын Неба мог вступать с ней в интимный контакт не чаще одного раза в месяц, тем самым, как считалось, обеспечивая возможность забеременеть и родить от императора умное и крепкое потомство. Другие женщины гарема имели право чаще вступать в интимные контакты с Сыном Неба, причем, как считает автор книги «Дворцовые женщины-евнухи» Ван Япин, чем ниже был ранг наложницы, тем чаще она могла это делать, и раньше, чем наложница более высокого разряда. В результате этого фактическими властительницами гарема становились, как правило, наложницы низших рангов, имеющие постоянный доступ в покои императора.

Непременным атрибутом гарема на Востоке служили евнухи. Однако в Китае использование скопцов являлось исключительным правом правящей династии, т. е. императора и князей из императорского рода. Богатым простолюдинам Китая, в отличие от Турции и других стран Востока, под страхом смерти запрещалось заводить евнухов в своих домах и усадьбах. Поэтому термин «гарем» в полной мере применим здесь лишь к императорским и княжеским дворцовым покоем с женами и наложницами.

Мы знаем, что прямыми обязанностями евнухов являлось ограждение женщин гарема от контактов с чужими мужчинами. Однако из рассказов «Цзочжуань» («Коментарий гос-

подина Цзо») вытекает, что в ранний период китайской истории с этими своими прямыми обязанностями евнухи явно не справлялись. По мнению российского историка Л. Васильева, «возможно, причиной было то, что строгие порядки гаремной жизни еще не установились, не были в достаточной мере институционализированы» по сравнению с будущим, а евнухи чаще использовались для выполнения поручений, не связанных с охраной гарема. Именно поэтому замужние женщины из числа знати и тем более вдовы обладали в те годы немалой свободой в поведении и нередко этим злоупотребляли.

Л. Васильев отмечает, что женщины гарема (особенно причастные к политике) в период Чуньцю, в отличие от более позднего времени, чувствовали себя довольно свободно и действовали порой весьма активно. Их активность проявлялась не только в плетении интриг и активной борьбе за реальную власть, чтобы передать престол своим сыновьям, но и в обладании любовниками. Это «касалось не только вдов, чьи связи с высокопоставленными царедворцами зафиксированы в источниках и порой играли решающую роль в политике, но и замужних дам. Причем именно адюльтеры служили поводом для конфликтов, особенно между линиями одного и того же клана и вообще в среде близких и хорошо знавших друг друга людей».

Императорский дворец эпохи династии Мин в Запретном Городе (Гугун)

Известно, что позднее неоднократно делались попытки ограничить деятельность жен и наложниц Сына Неба, особенно вмешательство в дела управления Поднебесной. Так, основатель династии Мин Чжу Юаньчжан в своих «Заветах родоначальника» писал: «...Никогда не допускать своевольной власти обитательницы главного двора (то есть императрицы. – В. У.), кого-либо из второстепенных жен и наложниц... На каждое ночное посещение ими покоев государя установлена очередность. В случае, если появятся жены, ведущие необоснованные речи, то при выявлении зловредности сказанного следует делать им внушение. В императорском дворце не должно быть ревнивых женщин».

Сколько женщин положено иметь мужчине?

Известно, что любой состоятельный мужчина на Ближнем и Среднем Востоке мог иметь несколько жен – это было знаком его благосостояния. Для того чтобы позволить себе такую роскошь, он должен был только обеспечить каждой жене собственный дом, или хотя бы отдельный этаж, или, по меньшей мере, свой особый очаг.

Летний императорский дворец – летняя резиденция императоров Цинской династии на окраине Пекина

Гомер называл многоженство восточным обычаем. У греческих царей и героев было лишь по одной жене, но у Приама, царя малоазийской Трои, было множество жен, хотя его главная жена Гекуба не чувствовала себя при этом ущемленной:

Пятьдесят сыновей я имел при нашествии Рати ахейской,
Их девятнадцать от матери было единой;
Прочих родили другие любезные жены в чертогах.

(Перевод Н. Гнедича)

Царь Соломон (X в. до н. э.) имел, по приданию, от трехсот до тысячи жен родом из разных стран, среди них была и египетская царевна, взятая, впрочем, лишь по политическим мотивам. Когда этот царь заключал союз с какой-либо соседней страной, он брал в жены дочь соответствующего царя. Каждая из жен-цариц имела собственный дом. Как следует из исторических материалов, такой дом существенно отличался от «классического» восточного гарема, тип которого сложился лишь позднее в Персии.

Ислам ограничил количество жен: их у мужчины могло быть не более четырех. «Ваши жены – нива для вас, ходите на вашу ниву, когда пожелаете, и уготовывайте для самих себя», – говорится в Коране. Хотя сам пророк Магомет этих ограничений не соблюдал – у него было девять жен. А как с этим обстояло дело в Поднебесной?

По преданиям, сын прародителя китайской цивилизации Желтого Владыки имел одну официальную супругу и трех наложниц. Наличие у правителя Древнего Китая четырех жен было (как и в странах исламского мира) нормой дворцовой жизни. Как отмечает российский китаист В. Малявин, четыре жены императора символизировали, по мысли придворных книжников, четыре стороны света и четыре времени года, а вместе с Сыном Неба они составляли священное число пять: пять стихий, пять цветов, пять вкусовых ощущений и т. д. «С этой точки зрения, – отмечает В. Малявин, – императорский гарем являл собой прообраз универсума. Согласно более позднему и более экстравагантному разъяснению, императорская семья должна напоминать чайный сервиз, где одному чайнику сопутствуют несколько чашек». Впро-

чем, по данным китайского историка Ван Япина, мудрый царь Шунь имел только трех жен, а трижды три образуют девятку – пик мужской силы *ян*.

Девушка в саду. Художник Сюй Пэн Лянь

Число же императорских жен при династии Ся должно было составлять 12 (тройка, взятая четыре раза). При династиях Шан-Инь государю были приданы еще 27 (то есть трижды девять) наложниц, так что теперь император обладал 39 женами и наложницами. Такое число объяснялось еще и тем соображением, что женский век заканчивается в сорок лет. При династии Чжоу число обитательниц императорского гарема возросло уже до 120. Наконец, более-менее окончательный вид организация императорского гарема приобрела при династии Тан.

Женщины и девушки, живущие во дворце Сына Неба, составляли две категории: жены, наложницы и дворцовые служанки. Все женщины императорского дворца разделялись на несколько разрядов. В разные эпохи их число менялось. При династии Цинь (221–207 гг. до н. э.) их было 7 рангов. Ко времени правления императора Юань-ди (48–32 гг. до н. э.), по данным российского историка Р. Вяткина, насчитывалось 14 категорий наложниц. Поэт Цюй Юань (340–278 до н. э.) в «Призывании души» писал:

Шестнадцать молодых служанок
Придут, чтоб угодать тебе,
Наскучат – замени другими, —
Немало есть невинных дев,
Подобных тем, которых иньский
Когда-то Чжоу Синь любил!

(Перевод Н. Т. Федоренко)

В позднечаньский период, по данным С. В. Волкова, для наложниц было установлено только четыре ранга.

А вот какую градацию жен и наложниц приводит историк Ван Япин. Главной среди женщин во дворце была императрица, или главная жена Сына Неба (*хуань хоу*), далее шли четыре дополнительные «жены» (*фу жэнь*) – каждая из них имела особый титул: драгоценной (*гуй-фэй*), добродетельной (*шуйфэй*), нравственной (*дэфэй*) и талантливой (*сяньфэй*) наложницы.

По данным трактата «Ли Ци» или других авторов, было также три дамы-фаворитки, занимавшие первую высшую ступень, девять «старших наложниц» или «конкубинок» (*цзю бинь*), занимавших вторую ступень; 27 «младших наложниц» (*шифу*), которые, в свою очередь, делились на: девять *цзе юй* (фрейлин), девять *мэй жэнь* (красавиц) и девять *цай жэнь* (талантов), занимавших третью, четвертую и пятую ступень, еще 81 так называемая «гаремная девушка» (*юй ци*). Они также делились на три категории: 27 девушек *бао линь* (драгоценный лес), 27 – *юй нюй* (императорские женщины) и 27 – *сай нюй* (женщины-сборщицы), составляя шестую, седьмую и восьмую ступени.

При последней династии Цин, по данным российского историка О. Непомнина, наложницы императора делились следующим образом: *хуангуйфэй* — наложница первого ранга, *гуйфэй* — второго ранга, *фэй* — третьего, *бинь* — четвертого, *гуй-жэнь* — пятого, *даинь* — старшая фрейлина, *чаницзай* — младшая фрейлина, наконец, прислужницы – *шинюй*.

Согласно числовой символике, нечетные числа, кратные 3, символизируют положительные силы природы, мужское начало и мужскую потенцию, были строго регламентированы. Четные числа символизировали женское (отрицательное) начало и женское плодородие. Число три является первым нечетным после единицы: оно означает мощную мужскую потенцию. Девятка – это три раза по три, что означает изобилие. Если перемножить эти числа, получится соответственно 27 и 81.

По некоторым материалам сунского времени, император должен был официально иметь двенадцать жен и наложниц, по числу месяцев в году (три жены и девять наложниц); князьям положено было девять женщин (одна жена и восемь наложниц), а крупным чиновникам – одна жена и две наложницы.

Помимо вышеперечисленных наложниц во дворце Сына Неба еще имелись *нюй гун* (дворцовые девушки), которые стояли на последней ступени, и *гун нюй* (дворцовые служанки), которые были за пределами всех ступеней и являлись самыми низшими существами во дворце. В XV в. многие женские функции взяли на себя евнухи, и осталась только одна непосредственная обязанность дворцовых служанок – служба одежды (*шанфучжун*).

Однако, несмотря на строгое подчинение в организации дворцовой жизни определенным числам, в гареме могло быть и больше женщин. Как утверждают китайские авторы Дянь Дэнго и Ван Япин, в период династий Тан (618–907 гг.) и Мин (1368–1644 гг.) во дворцах императора было больше всего наложниц – цифра их доходила до 40 тысяч человек и более. Известно, что император Сюань-цзун (712–756), отличавшийся крайним любвеобилием и подпавший уже в шестидесятилетнем возрасте под чары молодой и очаровательной наложницы собственного сына, Ян Гуйфэй, держал в своих дворцах около 40 тысяч женщин.

На основе исторических материалов Ван Япин приводит такие данные по количеству женщин во дворцах Сына Неба в разные исторические эпохи. Во дворцах Цинь Шихуана (246–210 гг. до н. э.) их насчитывалось 10 тысяч, У-ди ханьского (140–87 гг. до н. э.) – 20 тысяч, У-ди цзиньского (265–290) – 15 тысяч, Ян-ди суйского (605–617) – несколько десятков тысяч, и, как мы уже упоминали, у Сюань-цзуна в танское время – около 40 тысяч женщин.

Во времена других династий в Китае, по данным Дянь Дэн-го, количество наложниц было значительно меньшим. Например, у императора Гуансюя последней династии Цин было всего две наложницы.

Жен и наложниц во дворце обслуживали евнухи и женщины-служанки. Количество тех и других в разные периоды варьировалось. Так, в последнюю половину династии Цин, по данным Дянь Дэнго, у вдовствующей императрицы было 12 служанок, у императрицы – 10, у наложниц первой категории – 8, второй – 6, третьей – 4, у обычных наложниц – 3 служанки.

Китайская свадьба. Художник Ф. Буше

Правом иметь наложниц в древнем Китае, кроме Сына Неба, обладали также князья императорской крови. Однако постепенно мужчины с достатком, имевшие возможность обеспечить содержание наложниц, стали брать их в свой дом. При династии Хань даже мужчины среднего достатка могли позволить себе содержать наложниц. Они нередко выкупали понравившихся им девушек из публичных домов, и этот обычай сохранялся на протяжении последующих династий.

В танское время, да и позже, как считает известный российский историк А. А. Бокшанин, вплоть до XVI века, число наложниц не лимитировалось. Брак с наложницей в те годы оформлялся официально. Наложниц или «брали в жены» (*цой*), или «покупали» (*май*). «Когда вступают в брак с наложницей, то следует оформлять контракт, – говорилось в танских уложениях. – Если покупают наложницу и не знают ее фамилии, последнюю следует определять посредством гадания». Запрещалось брать в наложницы бывших наложниц родственников старших поколений, а также женщин, носящих одинаковую с будущим мужем фамилию.

«Всем мужчинам разрешается иметь наложниц, – писал знаменитый миссионер Маттео Риччи, побывав в Китае. – И здесь ни социальное положение, ни состоятельность не принимаются во внимание, единственным условием являются исключительно женские прелести. Наложницу можно купить за сто золотых. А иногда и того меньше. Среди низших сословий женщин продают и покупают за серебро и делают это столь часто, как мужчина того пожелает».

На территории императорского дворца Гугун

В танское время, по данным В. М. Рыбакова, было 8 рангов наложниц. Владыке полагалось четыре наложницы 1-го ранга. Они назывались: драгоценная почтенная подруга (*гуйфэй*), благая почтенная подруга (*хуйфэй*), прекрасная почтенная подруга (*лифэй*) и изящная почтен-

ная подруга (*хуафэй*). Наложниц рангом ниже называли «образцами» (*и*), их было шесть: образец чистоты (*шун*) образец добродетели (*дэи*), образец достоинства (*сяньи*), образец кротости (*шуньи*), образец прелести (*ваньи*) и образец благоухания (*фанъи*). Эти наложницы обязаны были наставлять наложниц более низких рангов в четырех добродетелях: добропорядочности, искусстве поддерживать разговор, умении выглядеть прекрасной и трудолюбию. Наложницы третьего ранга назывались «красавицами», их было четыре. Они должны были руководить имеющим чиновничьи ранги придворными дамами (*нюйгуань*) при устройении жертвенных церемоний, а также ведали делами, связанными с приемом гостей.

Наложниц 4-го ранга полагалось семь, и именовались они «талантами» (*цайжэнь*). Они отвечали за содержание в порядке личных покоев императрицы.

Наложниц 6-го ранга было 27, они именовались «лес драгоценностей» (*баолинъ*), наложниц 7-го ранга было также 27, они назывались «державными девами» (*юйнюй*), наложницы 8-го разряда именовались «отборными девами» (*цайнюй*).

В «Законах великой династии Мин» было строго расписано – кому, в зависимости от ранга, и сколько полагается наложниц. «Наложниц для находящихся в различных местах *цинъ-ванов* (родственников царственной фамилии – В. У.) разрешается по подаче доклада императору выбирать один раз, самое большое 10 человек, – говорилось в документе. – Старшим сыновьям... по достижении после женитьбы 25 лет, если их жены не родили сыновей, разрешается выбрать двух наложниц. Впоследствии, если родится сын, независимо, от жены или наложницы, ограничиться двумя наложницами. Если и по достижении 30 лет не родится сын, то только тогда разрешается взять всех четырех наложниц.

«Есть цена у золота, а нефрит – бесценен». Китайская поговорка

Старшим сыновьям *цзюнь-ванов*, а также *цзянцизюням* и *чжунвэям*, достигшим после женитьбы 30 лет, если их жены не родили сыновей, разрешается выбрать одну наложницу. Впоследствии, если родится сын, независимо, от жены или наложницы, ограничиться одной наложницей. Если и по достижении 35 лет не родится сын, то только тогда старшим сыновьям *цзюнь-ванов* и *цзянцизюням* разрешается взять всех трех наложниц, *чжунвэям* — двух наложниц.

Простолюдинам сорока лет и старше, не имеющим сыновей, разрешается выбрать и взять одну наложницу».

У китайцев в обиходе существовало такое выражение: «Хорошая жена сумеет подобрать мужу хороших наложниц».

Но иногда жены противились тому, чтобы муж брал наложницу. Примером может быть выдающийся поэт ханьского Китая Сыма Сянчжу (179–117 гг. до н. э.). Он происходил из аристократического, но обедневшего рода в Чэнду (современная провинция Сычуань), с малых лет «любил учиться и фехтовать». Его биография – пожалуй, единственная в древнем Китае, в которой сохранилась не только официальная сторона, но и житейская, интимная – история его любви и женитьбы. Романтическая история произошла в период между очередным падением и взлетом в его карьере. После смерти лянского князя поэту пришлось расстаться с близким ему кружком единомышленников, который был собран этим правителем-меценатом, любившим стихи, и отправиться на родину. Здесь он оказался в крайне бедственном положении, но все же нашел себе покровителя – начальника уезда, который пригласил Сянчжу к себе и вместе с ним ездил в гости к именитым людям.

Так, однажды Сыма Сянчжу попал на пир к известному богачу, у которого была рано овдовевшая дочь Чжо Вэньцзюнь. Красота этой юной затворницы при случайной встрече вдохновила поэта, и он стал импровизировать, аккомпанируя себе на *цине*, вложив в песню свое душевное чувство к ней. От этой песни пошел жанр *тяоцин*, сходный с испанской серенадой. Изысканная внешность, манеры придворного, его зажигательная песня очаровали Чжо Вэньцзюнь, и она бежала с поэтом из отцовского дома. Отец же в гневе пообещал убить ее и «не дать ей ни гроша». Жизнь «в четырех голых стенах» в родном доме Сыма Сянчжу заставила Чжо Вэньцзюнь пойти на хитрость. Супруги вернулись в Линьцзюнь, продали коня и колесницу поэта и открыли на эти деньги кабачок. Чжо стала хозяйничать у жаровни, а Сыма Сянчжу в одной набедренной повязке, словно раб, мыл посуду. От такого позора отец Чжо не смел «показаться на улицу» и в конце концов, чтобы не «потерять лицо», вынужден был дать дочери в приданое «сто рабов и миллион монет». А когда Сыма Сянчжу стал сановником, «выделил ей в наследство долю, равную с сыновьями».

Однако эта любовь поэта не была последней. Уже стариком он захотел взять себе наложницу и, как полагалось, сообщил об этом своей первой жене. По обычаю, Чжо Вэнь-цзюнь не имела права возражать против новой женитьбы мужа. Однако она это сделала, презрев все устои, как свидетельствовала сложенная ею песня «Плач о седидах».

Словно в облачке луна – светла,
Словно шапка снежная – бела...
Раз вы тайной мыслью смущены,
Значит, разлучиться мы должны.
В брачных чашах есть еще вино,
Но уйти от вас мне суждено.
Я пойду, куда ведет поток,
Уносящий воды на восток.
Стынет сердце, стынет, как мороз.
Шла я замуж без обрядных слез
И мечтала, что одной душой
Доживем до головы седой.

(Перевод С. Торопцева)

Чжо Вэньцзюнь напомнила мужу, что выбрали они друг друга сами, не через сватов, и потому должны вместе пройти всю жизнь. Она объявила изменой желание Сыма Сянжу ввести в семью еще одну жену. Мириться с соперницей она не хотела и заявила, что их пути разойдутся так же, как речной поток делится на два рукава. И такова была сила ее убеждения, что Сыма Сянжу отказался от наложницы.

Резьба китайских мастеров. Слоновая кость

Все бездетные мужья, даже простолюдины, имели официально право взять себе наложницу. Вот как происходило такого рода бракосочетание, по воспоминаниям современников: «В самый день брака с нею муж вместе с законной женой испрашивают благословения от умерших предков, выставляя причиной этого брака продолжение своего рода. Затем муж и жена занимают почетные места в одной из зал своего дома и приказывают наложнице сделать им должные коленопреклонения. Потом муж вместе с наложницей пьет сочетальную чашу и назначает ей имя, которым должны называть ее все остальные члены дома».

Если муж брал в свой дом наложницу и жена к ней хорошо относилась, то и муж относился к такой наложнице с большим уважением.

Мужчина брал себе наложниц, соглашаясь не только со своим желанием, но и со своим карманом. В небогатых семьях все наложницы жили в одном доме, сидели за одним столом.

Они исполняли всю домашнюю работу, готовили пищу, мыли посуду, словом, вели домашнее хозяйство.

При этом замужней женщине, сколько бы у ее мужа не было жен, предписывалась строжайшая верность супругу. «Идеальная женщина должна быть благорасположена к другим женщинам, которых может взять в свой дом ее повелитель, сама же она может выйти замуж лишь однажды», – говорится в конфуцианском трактате «*Нюйцзе*» («Идеальная женщина»).

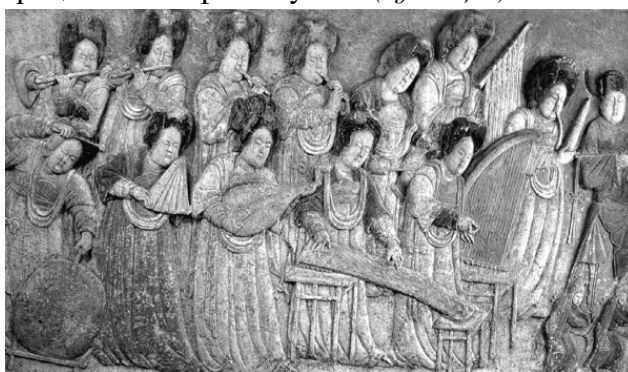
Розовые лотосы. Китайская вышивка

Некоторые считают, что китайские женщины не очень ревнивы. Но это не так. Их ревность обострялась по мере развития конкубината. Ревность стала одним из немногих способов их самозащиты. Ревнивая женщина могла только благодаря силе своей сексуальности заставить мужа отказаться от намерения завести наложницу. Чиновники-подкаблучники частенько появлялись в присутственном месте с синяками на лице, что заставило одного из императоров даже издать специальный указ о наказании ревнивых жен. Известна одна история. Некто по имени Лю Боюй часто любил читать вслух древнюю «Оду о фее реки Ло» (ода написана поэтом Цао Чжи (192–232), поэт воспекает божественную красавицу-фею, у которой явственно проступают черты земной женщины). Однажды он со вздохом произнес так, чтобы его услышала жена: «Какая красавица, вот бы ее в жены!». Жена ему парировала: «Почему ты восхваляешь фею реки Ло и пренебрегаешь мной? Когда я умру, я стану духом воды». В ту же ночь она утопилась в реке. Через неделю жена появилась перед Лю Боюем во сне и сказала: «Ты хотел жениться на фее, теперь я фея». Всю оставшуюся жизнь Лю не осмеливался перебраться через реку. Каждый раз, когда женщины переправлялись через реку на пароме, который назывался «Паром ревнивой жены» (в Шаньдуне), они прятали или укрывали свои красивые одежды и уродовали гримом лицо, чтобы не разыгралась буря. Если женщина была некрасивой, богиня реки ее не ревновала. Женщины, которые перебирались через реку, не вызывая бури, наверняка считали себя уродливыми.

«Личные танцовщицы» нюйюэ

Помимо гаремов у князей и высокопоставленных чиновников еще издревле, в эпоху Чжоу, имелись собственные труппы из *нюйюэ* — обученных танцам и музыке девушек, которые показывали перед гостями свое искусство во время официальных банкетов, трапез и частных пирушек. Эти *нюйюэ* («*нюй*» — женщина, девица) вступали в беспорядочные сексуальные отношения не только со своим хозяином, но и его свитой и гостями. Как свидетельствуют китайские хроники, они часто переходили из рук в руки, их продавали и перепродавали или просто преподносили в виде подарка.

Дарить красивых танцовщиц стало нормой дипломатического этикета при княжеских дворах. Известно, что в 515 г. до н. э. один вовлеченный в тяжбу крупный чиновник предложил судье в качестве взятки труппу таких девушек. Как считает Роберт ван Гулик, *нюйюэ* явились предшественницами «официальных проституток» (*гуаньцзи*).

Мраморный раскрашенный рельеф из гробницы Ван Чучжи. На рельефе представлен придворный ансамбль из 12 музыкантов. Все музыканты – дамы

Наличие подобных трупп танцовщиц и певичек считалось определенным показателем социального статуса их хозяина. Однако со временем изменившаяся ситуация в обществе привела к тому, что только правящие семейства могли позволить себе иметь частные труппы, хотя публичные дома предоставляли профессионалок, умеющих петь и танцевать, всем, кто был в состоянии за это заплатить.

Старые привычки сохранились, а может быть, возродились и в средневековом Китае. Так, в танское время стало считаться правилом хорошего тона, чтобы у каждого процветающего чиновника или писателя, наряду с женами и наложницами, всегда имелись одна или несколько танцовщиц. В то время как жены и наложницы оставались дома, эти девушки сопровождали его повсюду, чтобы украшать и оживлять вечеринки, танцуя, исполняя песни и стихи, подавая вино и поддерживая светскую беседу. У знаменитого поэта Ли Тайбо было две подруги, а у Бо Цзюйи в разные периоды его жизни имелось по несколько девушек. Может быть, как раз об одной из них он сочинил это стихотворение.

Цветок не цветок,
Туман не туман,
В полночь пришла, исчезла с рассветом.
Как сон весенний, пришла... И вдруг
Легким облачком поутру
Сокрылась бесследно где-то...

(Перевод М. Басманова)

И даже строгому конфуцианскому ученому Хань Юю (768–824) не претило содержать танцовщицу, которая являлась его бессменной спутницей. Сохранилось множество стихотворений, в которых описываются пирушки с друзьями, где присутствовали танцовщицы (*сицзи*).

О, хризантема, осени цветок...

Многие поэты и писатели эпохи Тан были не прочь переспать с молоденькими девушками вдали от дома и семьи. Это красочно описано Ли Бо в одном из стихотворений.

Попивая вино у горной тропы,
Приветственно махнул рукой всаднице,
Обворожительной девчонке,
Ей едва ли минуло пятнадцать.
«Выпить хочешь?» – спросил,
И она спешила и подошла,
Обворожительная девчонка,
Ей едва ли минуло пятнадцать.
Посадил на колени, захмелел от ее взгляда,
И она, опьянев, согласилась отдаться.
О, утро у горной тропы
И вино, прогретое солнцем
И неистовый жар объятий
Обворожительной девчонки,
Ей едва ли минуло пятнадцать.

(Перевод Ю. Сорокина)

Если на танцовщицах женились, то они обязаны были, разумеется, забыть о своей прежней жизни и развлечениях, во всем подчиняясь своему мужу, храня ему верность и преданность. Не всегда эти перемены было легко переносить. В одном из стихотворений того времени описывается глубокая печаль девушки из публичного дома, которую богатый ловелас взял к себе в наложницы, а потом бросил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.